



Искусство детектива Татьяны Гармаш-Роффе

- Татьяна Гармаш-Роффе отлично знает, каким должен быть настоящий детектив, и следует в своих романах законам жанра.
- Театральный критик, она умеет выстраивать диалоги и драматургию чувств. Неординарная личность, она дарит часть своей харизмы персонажам.
- Непредсказуемость сюжетных поворотов, точность в логике и деталях, психологическая достоверность в описании чувств, - таково ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА Татьяны Гармаш-Роффе.
- Главный герой ее романов частный детектив Алексей Кисанов, или просто Кис.
- По четырем романам Татьяны Гармаш-Роффе снят телевизионный многосерийный фильм «Любить и ненавидеть».

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ



Голая королева



Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

 **read_action**

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Голая королева / Татьяна Гармаш-Роффе. —
Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Искусство детек-
тива. Романы Т. Гармаш-Роффе).

ISBN 978-5-04-184108-9

У известного издателя Александра Мурашова исчезает жена. Все говорит о том, что Алина сама ушла от мужа... Стоит ли ее искать? Стоит, и как можно скорее: Алина в плену у бывших друзей, решивших пожить за счет ее богатого супруга! Дилетанты, да; но от этого не менее опасные, они готовы на все ради денег. Только у Филиппа, ее бывшего любовника, другая цель — Алина должна целиком и полностью принадлежать ему...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гармаш-Роффе Т.В., 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-184108-9

*Автор благодарит за консультации
менеджера бутика Картье Елену Смолову
и сотрудника банка Людмилу Глуховскую*

ЧАСТЬ I

Глава 1

«Есть люди, которые решают, и есть люди, к которым решения приходят. Я принадлежу явно к последним...»

Аля смотрела в экран телевизора, где весело смеялись какие-то люди. Она попыталась понять, чему они смеются, но так и не сумела.

Она устроилась перед телевизором, подобрав ноги под широкую юбку, в большом кожаном кресле. Рядом с ней на низком столике, как обычно, стояло блюдечко с шоколадным печеньем и чашка с холодным лимонным чаем.

...Решение пришло к ней само, внезапно, под этот глупый смех. Пришло неизвестно откуда, словно спустилось из воздуха, и стало внятным и слышным ее сознанию. Теперь она с недоумением оглядывала последние три года своей жизни: три года неясной скуки и невнятной тоски, три года странной рассредоточенности, словно ее душа была растащена и приворожена по углам этого большого дома, дома делового мужчины, в котором она так и не нашла себе места; три года без прошлого и без будущего, потому что прошлое она безжалостно перечеркнула, а будущее ей виделось как сквозь толщу воды — таким же смутным и гнетущим.

Так в принципе можно было жить, думала Аля, изо дня в день, всегда «сегодня». До тех пор, пока вдруг не поймешь, что и завтра будет так же. И что если ты ничего не изменишь в своей жизни, прямо сейчас, немедленно, то тебе придется жить так всю твою жизнь.

Всю! И вот тут ты отдаешь себе отчет, что не согласна. Вот тут к тебе приходит решение. И даже если тебе страшно, поделаться уже ничего нельзя. Решение дышит в затылок, решение требует выполнения, и у тебя в запасе нет никаких доводов, чтобы от него уклониться.

То есть, проще говоря, надо уходить от Саши.

Аля резко поднялась из кресла, будто желая прогнать нахлынувший на нее страх — перед будущим, перед неизвестностью; выстрелив пультом во все еще хохочущих людей, она сказала громко:

— Я хочу спать, Алекс...

«Алекс». Все его знакомые звали его так. А ей хотелось называть его Сашей, как зовут всех нормальных Александров. Но когда она впервые назвала его Сашей, он удивленно и недовольно приподнял брови. Ничего не сказал, это правда, но она поняла. И стала звать его, как все: Алекс.

— ...я пойду к себе, — добавила она.

Ей хотелось поскорее донести свое решение, не расплескав, до своей комнаты и там, оставшись наедине, обдумать его хорошенько. «Другие, нормальные люди, сначала думают, потом решают. У меня же все ровно наоборот: я сначала решаю — потом думаю...» — вздохнула она, направляясь к лестнице.

— Спокойной ночи, Лина. Я зайду тебя поцеловать. У меня столько работы...

«Как всегда», — подумала Аля.

Алекс отложил в сторону диапозитивы, которые рассматривал на свет, и обернулся.

— Послезавтра наша трехлетняя годовщина. Ты не забыла, дорогая?

«Дорогая», «дорогой». Так обращаются друг к другу в пьесах из западной жизни. Но ей надоело жить в пьесе.

— Не забыла, — произнесла она, держась за перила.

Аля вдруг поняла, почему к ней пришло решение: годовщина! Когда он две недели назад заговорил об этом, она впервые со всей ясностью ощутила, что ей не по силам этот юбилей, что справлять им нечего, что в их душах

так же пусто, как в этом огромном доме, где нет ни зверя (потому что у Алекса аллергия на животных), ни ребенка (потому что Алекс не хочет «пока»).

— Купи себе новое платье, хочешь? — Алекс снова за-вертел перед глазами слайд. — Знаешь, купи-ка себе сиреневое. Поищи завтра. С открытой спиной... Я прямо тебя вижу в нем... Оно так пойдет к твоим фиалковым глазам... А?

— Ты меня видишь в нем? Это нормально.

— ?

— Я его уже купила. И надевала на твой день рождения. И на прием на вернисаже американских авангардистов. И оно мне уже успело надоесть.

— Ах да, действительно! Извини, дорогая, так много работы...

— Не страшно. Я понимаю. Я куплю себе другое платье.

— Конечно-конечно, у тебя прекрасный вкус!

«Я его не просто не люблю. Я его ненавижу. Он у меня вызывает отвращение. Мне иногда хочется залепить ему пощечину, чтобы сбить с него эту маску вечного и вежливого благодушия, чтобы он растерялся, чтобы что-то нормальное, человеческое, естественное проступило наконец на этом холеном лице! И «Лина» — он по-прежнему зовет меня «Лина», как безоговорочно назвал меня тогда, в первый день, когда я ему представилась: Алина. А я — Аля, как звала меня мама, мягко, нежно, домашне; как звали меня друзья... Впрочем, про друзей лучше не надо», — она отчего-то поежилась.

— Так спокойной ночи, Алекс.

Уходя, она оглянулась. Она увидела затылок мужа с короткими завитками волос, абрис его хорошо очерченной скулы, тень на щеке от его пушистых, как у девушки, каштановых ресниц, осенявших карие глаза, и ее догнал его бархатный баритон:

— Спокойной ночи, дорогая!

«Почему я не могу любить его? — думала Аля, поднимаясь к себе в комнату, в свое убежище, полное света, цветов и пастельных тонов. — Что не так, что не срабаты-

вает? Он хорош собой, и многие женщины на него заглядываются. Он всегда внимателен, предупредителен, любезен. Он даже «секси»... — шагала Аля по ступенькам, рассеянно глядя на рисунок покрывающего их ковра. — Но все это какое-то ненастоящее. Как бы только дань моде, правилам приличия; имидж, роль. Меня он не любит и не любил никогда. Потому что у него вообще нет потребности любить, ему это просто не нужно. И дело не в возрасте — хоть разница у нас большая, но что такое сорок два года для мужчины? Ничего».

Был ли у него кто-то в прошлом, отучивший его любить? Любовная драма, предательство, измена? Воображение Али принялось рисовать портрет таинственной роковой женщины, разбившей сердце юного Алекса... Но экзерсис удавался с трудом, ее изображение не справлялось с сюжетом любовной трагедии, где главную роль мог бы играть ее муж.

Что же тогда сделало его душевным импотентом и даже почти импотентом физическим? То есть не то чтобы импотентом, и даже, конечно, нет; но сексуальная сторона их жизни его так мало интересовала, что их физическую близость трудно было назвать иначе, как выполнением супружеского долга.

Разве я не привлекательна, спрашивала Аля у своего отражения в зеркале на туалетном столике спальни, разве я не хороша собой?

Отражение подтверждало, что хороша. Для полной убедительности Аля сняла очки — на нее из зеркала глянули большие серо-голубые глаза, которым немного расширенные черные зрачки действительно придавали легкий сиреневый оттенок. «Фиалковый», как говорил Алекс... Она сдула волнистую прядь светлых, немного пепельных волос со щеки, прядь взлетела, потом легла, послушно обняв нежный овал лица.

«Разве я не заслуживаю, чтобы меня любили? — искала поддержки у зеркала Аля. — Чтобы меня хотели? — Ее глаза начали наполняться слезами, и в их расплывчатом тумане она увидела, как у ее отражения покраснел нос,

отчего себя стало еще жалче. — И если ты не можешь, «дорогой», — зло передразнила она интонацию мужа, — то нам с тобой придется расстаться».

Аля, охваченная внезапным вдохновением, уже писала, и ручка ее летала по бумаге: «И, я надеюсь, ты сможешь меня понять. Мы друг друга не любим, так уж получилось. Это не наша вина, и не в нашей власти это изменить. Но согласись (она написала «дорогой» и зачеркнула), всю жизнь так продолжаться не может, и лучшее, что мы можем сделать, — это разойтись поскорее, дав друг другу свободу. И тем самым шанс быть счастливым: то есть любить и быть любимым...»

Какое-то время она сидела, уставившись невидящим взглядом на свое письмо, затем, глянув на часы — было почти половина одиннадцатого вечера, — спохватилась, вскочила, бросилась в соседнюю маленькую комнатку, служившую ей гардеробной, схватила приготовленный там заранее объемистый пакет и устремилась к дверям. Внезапно она вернулась, вырвала из склейки почтовой бумаги страницу с письмом и, сунув его в карман, вышла из комнаты.

Бесшумно спустившись по лестнице, она прошла незамеченной мимо раскрытой двери кабинета Алекса, пересекла гостиную, вышла в сад и растворилась в летней ночи, густой и пряной.

Глава 2

...Теплую, уютную темноту ночи пронзило холодным стержнем звонка. Сон, отступая и клубясь, повис на нем, как белье в итальянском дворике.

Вскочив, Алексей раздраженно схватил со стола орущий телефон и направился обратно к постели, сунув мимоходом свой нос в щель между плотными занавесями. Серая предрассветная невнятица, стывшая за окном, усилила чувство острой неприязни к тому, кто разрушил

интимный покой его сна. Телефон трясся и захлебывался в его руке. Выразив одним энергичным словом все, что он думал о своем неведомом абоненте, Алексей снял трубку:

— Алексей Кисанов слушает.

«А что же еще, — думал он, зарываясь с телефоном обратно в дышащую теплою постель, — не говорить же «Детективное агентство АКИС». Я вам, черт побери, ночью не агентство, я вам ночью просто спящий Кис, и все тут».

— Добрый вечер, — раздался в трубке глубокий баритон, — то есть, извините, наверное, доброе утро... Говорит Александр Мурашов. Я еще раз прошу вас извинить меня (он разбудил меня, чтобы извиняться? — раздраженно подумал Кис), я вас, наверное, разбудил (мне нравится это «наверное»!), но у меня неотложное дело... Я бы вас попросил взяться за него, и незамедлительно. Могли бы вы сейчас приехать ко мне?

Алексей знал по опыту, что бывают действительно дела «незамедлительные», хотя дела такого рода чаще всего касаются милиции, а не сыскного агентства, но он знал также, что бывают дураки, паникеры и даже шутники. Впрочем, последнее исключалось: имя Александра Мурашова кое о чем ему говорило. Поэтому он ответил вопросом на вопрос:

— Вы мне не сказали, в чем, собственно, дело?

— Я не хотел бы говорить по телефону. Прошу вас, приезжайте.

— Послушайте, вы будите меня среди ночи и просите приехать к вам — то есть прощай сон окончательно и бесповоротно — и не хотите дать мне возможность самому судить о срочности вашего дела? В таком случае я не поеду.

— Я заплачу вам, хорошо заплачу.

— Конечно, заплатите, причем по двойному тарифу. Если я соглашусь.

— Заплачу, сколько скажете. Только приезжайте.

— Я повторяю свой вопрос. Мы теряем время.

— Хорошо. У меня украли жену.

— Украли?